

ЭТАП

37

УРОВЕНЬ

19

ОПЫТ

6590 / 10000

ЗДОРОВЬЕ

87%

ВЫНОСИВОСТЬ

42%

СТАТУС

В поиске цели

МЯСНАЯ БАШНЯ

ЛИТРПГ

ТОМ 2

ЗАДАНИЕ

ПРОДВИГАЙСЯ
ВВЕРХ

НАГРАДА
Неизвестно

ПРОГРЕСС
37 / ∞

Павел Белянов

Мясная Башня. Том 2

<https://litres.ru/74670828>

SelfPub; 2026

Аннотация

Костя поднялся выше. Но Башня не стала проще. За привычными этажами теперь начинаются новые миры — рудники, PvP арены, мёртвые города, снег, пустыни и джунгли.

Здесь водятся твари, которые тебя съедят и не подавятся, а люди научились выживать так хорошо, что порой от них стоит ждать большей опасности, чем от монстров.

У Кости теперь есть отряд, опыт и сила. Но вместе с ними появляются новые враги, гильдии и те, кто видит в Башне не ловушку, а место, где можно разбогатеть.

Содержание

Глава 1. Гроздь	5
Глава 2. Сбор	24
Глава 3. Зеленый град	44
Глава 4. Не своей смертью	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Павел Белянов
Мясная Башня. Том 2

Глава 1. Гроздь

Наверх они выбрались через сорок часов после того, как вошли.

Про то, как прошли зал с коконами, Костя потом не рассказывал никому. Про это спрашивали дважды: сначала Хмара, потом Пим у ворот. Оба раза он ответил одинаково.

— Прошли по стене, — сказал он. — Слева, где коконов нет. Тягач был в дальнем конце.

Оба раза он не сказал, что Тягач был не в дальнем конце. Что он встал в двадцати шагах от них, поднял то, что у него было вместо головы, и посмотрел. И что они шли мимо него шесть минут, потому что бежать было нельзя, а он стоял, смотрел и не тронул.

Никто из отряда этого не понял.

Костя понял. Точнее, у него была догадка. От этой догадки ему хотелось выпить.

Колодец вывел их в ту же расщелину, из которой они спускались. Свет ударил сверху, обычный, зеленоватый от листы, — и Дэн сел на камень и просто задрал голову.

— Небо, — сказал он.

— Не небо, — сказала Нора. — Потолок этажа.

— Мне все равно.

Лита вылезла последней, села рядом с Дэном и вытянула ногу.

Нога была плохая. Она хромала на нее с седьмого этажа, а за сутки в кармане натоптала так, что голень раздуло выше сапога.

— В лечебницу, — сказал Костя.

— У меня сто искр, — сказала Лита. — Я сама заплачу.

— Никто и не предлагал за тебя платить.

Она посмотрела на него снизу и вроде бы хотела что-то сказать. Не сказала.

Хмару они нашли там, где она всегда была: во дворе лечебницы, под навесом, с руками бурыми до локтей.

Она сначала посчитала их. Костя видел, как она это делает — глазами, быстро, привычно, как считают тех, кто вернулся.

— Четверо, — сказала она.

— Четверо.

— Уходило четверо. — Она вытерла руки о тряпку. — А привели пятую. Чужую.

— Она была с нами внизу.

— Она была с лысым, — сказала Хмара. — Я ее помню, она тут за зельями приходила три дня назад. С ней еще пятеро было.

— Их больше нет, — сказал Костя.

Хмара посмотрела на Литу.

Потом кивнула на топчан под навесом.

— Садись, — сказала она. — Сапог сама снимешь или помочь?

— Сама.

— Не сама, — сказала Хмара. — У тебя там уже не нога, а колода. Дэн, подойди, поддержишь.

Волчицу Хмара увидела через минуту и застыла с тряпкой в руке.

Явира сидела у входа во двор, слева от Бьорна. Молчала. Она вообще всегда молчала. За сутки в кармане Костя привык, что она ходит рядом без звука, а вот люди в деревне к этому привыкать еще не начали.

— Это что, — сказала Хмара.

— Это моя, — сказал Бьорн.

— Она не тварь?

— Она призванная. Друидская.

Хмара подошла ближе, наклонилась и посмотрела ей в глаза — те самые, бледные, без зрачков.

Явира не отвела взгляда.

— У нее лапа порвана, — сказала Хмара.

— Порвана.

— В трех местах, и глубоко. — Она разогнулась. — Ты ее лечить будешь или пусть так?

Бьорн переступил с ноги на ногу.

— А это можно? — сказал он. — Она же не человек.

— Мне без разницы, кто она, если она подходит и садится, — сказала Хмара. — Плати за третью категорию и веди сюда.

Пока Хмара мазала лапу, Бьорн сидел на земле рядом. Он держался за собственную кисть и разжимал ее. Костя, стояв-

ший в трех шагах, это заметил.

— Больно? — спросил он тихо.

— Мне не больно. Ей больно.

— Ты чувствуешь?

— Я с той минуты чувствую, как надел на нее ошейник,

— сказал Бьорн. — В той дряни внизу оно как-то тонуло, там всем было плохо. А тут тихо. Сижу и чувствую ее лапу.

Он посмотрел на волчицу.

— Ошейник снимать нельзя, — сказал он. — С ошейником она в драке держится два часа вместо одного. Это половина боя.

— Сними на день. Она же сейчас не в драке.

— Не сниму. — Бьорн мотнул головой. — Ты не понял, как оно теперь считает. Пока она не полезла в бой, она вообще никуда не уходит, хоть год стой. Часы включаются с первого укуса. А сниму сегодня и забуду надеть завтра — будет у меня в драке час вместо двух. И вспомню я про это как раз тогда, когда она пропадет.

Он посмотрел на волчицу.

— Так что я потерплю, — сказал он.

Стрелы Нора пошла покупать сама и не взяла с собой никого.

Костя увязался все равно.

Лавка стояла у дома заданий. Лавочник был тот же — тот, что четырнадцать месяцев держал свиток, а потом отдал его Бьорну бесплатно. Он поднял голову и не удивился.

— Вернулись, — сказал он.

— Вернулись.

— Все?

— Мы все, — сказал Костя. — Другие нет.

Лавочник кивнул, будто и не ждал иного. Полез под прилавок.

Он выложил перед Норой четыре связки и отдельно, на тряпице, десяток штучных.

(Стрелы охотника, связка 10. Обычные. Цена: 4 искры.)

(Стрела граненая, связка 10. Обычная. Цена: 5 искр.)

(Стрелы граненые улучшенные, связка 10. Необычные. Острие в четыре грани, проходит шкуру и хитин там, где обычная вязнет. Цена: 6 искр.)

(Стрела с зубом. Необычная. Наконечник с обратным зубом, рвет при извлечении, идет сквозь хитин и легкую броню. Цена: 4 искры за одну.)

Охотничьи Нора отодвинула сразу, даже не подняв.

— Это на птицу, — сказала она.

— Это на все, у кого шкура тонкая.

— У меня внизу таких не было.

Простые граненые она подержала в руке и положила обратно. Взяла улучшенные, вытянула одну из связки, посмотрела на свет.

Острие было в четыре грани, короткое, злое. Она царап-

нула им по краю прилавка.

— На искру дороже связки, — сказала она.

— На искру.

— Ладно.

Потом она взяла с тряпицы одну зубчатую.

Наконечник был с задранной назад бородкой. Костя посмотрел и сразу представил, что будет, когда такое вытаскивают.

— А эта по четыре, — сказала Нора. — Одна. Не связка.

— Одна.

— За кусок железа с крючком.

— За кусок железа с крючком, который прошел бы хитин у той дряни на карнизе, — сказал лавочник. — Ты же с карниза пришла, у тебя вон вся куртка в том, что оттуда течет. Как оно там гранеными шло?

Нора не ответила.

Она стояла над прилавком и молчала долго. Костя понял: она сейчас считает не стрелы.

У нее было двести двадцать искр.

Костя знал это не с ее слов. Он сам считал за нее в полости, когда упала сотня с Держателя. Потом еще раз, когда ей выпало сто двадцать из сундука. Двести двадцать. А лук стоит двести шестьдесят. Силы у нее теперь хватает.

Сорок искр. Она была в сорока искрах от той вещи, которую высматривала третью неделю.

— Четыре связки улучшенных, — сказала Нора. — И во-

семь с зубом.

— Пятьдесят шесть искр.

— Я считаю быстрее тебя.

— Ты уверена? — сказал лавочник. — Ты на лук копишь.

Я помню, ты у меня про него спрашивала.

— Уверена.

— Была бы в сорока искрах.

— Я знаю, в чем я была, — сказала Нора.

Она отсчитала.

(Приобретено: Стрелы граненые улучшенные, 40 шт. Стрела с зубом, 8 шт.) (Потрачено: 56 искр. Остаток личных: 164 искры.)

Они шли обратно. На середине улицы Нора сказала:

— Не смотри на меня так.

— Я никак не смотрю.

— Ты смотришь как человек, который сейчас предложит мне денег из общего.

— Я и хотел.

— Не надо, — сказала Нора. — Мы копим. У нас триста тридцать одна искра на четверых. На них надо будет наверх, а Пим за проход берет столько, что легче сдохнуть.

Она поправила колчан.

— И вот еще что, — сказала она. — У меня было четыре стрелы. Четыре. А у меня в сундуке эта дрянь, которая сажает мне Волю, если меньше пяти. Я всю дорогу от полости шла с трясущимися руками не потому, что устала.

Костя остановился.

— Ты не сказала.

— А что бы ты сделал? — Нора пошла дальше. — Нарисовал бы мне стрел?

Вечером они собрались у частокола, там, где стояли лавки под навесом. Хмара выпустила Литу к ним с забинтованной ногой и запретила ей неделю ходить дальше колодца.

Дэн принес котелок. Ели молча первые минуты — просто потому, что четыре дня до этого не ели толком.

Потом Бьорн вынул из мешка тубус.

Он поставил его на землю между всеми и постучал по нему пальцем.

— Вот, — сказал он.

— И что «вот»? — сказал Дэн.

— А то, что он целый.

(Свиток призыва: Огненный элементаль. Редкий. Одноразовый.)

— Я его четыре дня носил, — сказал Бьорн. — Я его в галерее хотел жечь, когда плевуны сидели на потолке. Я до него дотянулся, честно говорю. Рука была в мешке.

— И?

— И не стал. Потому что подумал: а если внизу будет хуже.

Он посмотрел на Костю.

— Внизу было хуже, — сказал он. — И я его опять не стал. И теперь думаю: дурак я или нет.

— Не дурак, — сказала Нора.

— Ты так считаешь потому, что он у нас остался.

— Я так считаю потому, что мы вышли без него, — сказала Нора. — Значит, он нам был не обязателен. Значит, теперь он не расходник, а деньги.

Лавочник, который сидел на своем чурбаке в трех шагах и, как всегда, все слышал, подал голос:

— Деньги, — сказал он.

Все обернулись.

— У меня он стоил сто двадцать, — сказал лавочник. — Я вам его отдал за так. Мне не жалко, я четырнадцать месяцев на него смотрел. Но если вы его понесете в шахты, вам за него дадут больше.

— Насколько больше? — сказал Бьорн.

— Вдвое, если не пожадничаєте.

— За что вдвое?

Лавочник поерзал.

— В шахтах жгут породу, — сказал он. — Там огонь нужен постоянно, а друидов там нет и заклинателей нет, там сидят землекопы и молотобойцы. Огненный свиток для них не свиток, а инструмент. Понесете — торгуйтесь и не соглашайтесь на первое.

— В шахтах, — сказал Костя. — Это где?

— Это выше. Через город, потом вниз по другой стороне. — Лавочник махнул рукой куда-то за частокол. — Твои двое, что ушли в город, они мимо шахт шли. Спросишь у

них.

Про Хорна и Веху заговорили уже в темноте.

— Ушли на четвертый день, — сказал Пим.

Привратник подошел к их костру сам и сел, не спрашивая. Он всегда так делал. Костя за две недели привык к тому, что у него руки старика при лице сорокалетнего.

— Хорн уходил еще с зашитым боком, — сказал Пим. — Хмара его не пускала. Он сказал, что тут ему делать нечего, потому что тут он уже все попробовал.

Костя это помнил без напоминания.

Четыре месяца подготовки. Двенадцать бревен с распорами, вкопанных под углом на тропе. Крепь, которая взяла подушку в клещи и держала, — а он поднял ногу и пошел. Крепь осталась висеть на нем, как заноза в пятке. Шестеро полезли по ноге вверх, потому что нога была единственной дорогой к телу. Двое сорвались сразу. Хорн — с двадцати метров. Веха успела спрыгнуть.

Двое не сорвались. Они держались, когда нога уходила в зеленое. Хорн с остальными кричал три часа. Они не отвечали.

— Просили передать, если вы вернетесь, — сказал Пим. — Что нашли, у кого спросить.

— Про вросших?

— Так и сказали. Про вросших. — Пим потер ладони. — Только слушай, спаситель. Тот, у кого они спросили, из ордена. А орден вниз пускает только своих. Он с тобой гово-

ритель будет, только если ему что-то надо.

— Пусть говорит. Мне тоже надо.

— Я предупредил, — сказал Пим.

Он помолчал.

— А второй-то ваш где, — сказал он. — Тощий, языкастый. Который меня в первый день спросил, сколько я тут живу. Я сказал. А он посчитал вслух, во сколько мне обошелся каждый год.

Никто не ответил.

Пим посмотрел на них по очереди, потом на пустое место у костра, где никто не сидел.

— Понял, — сказал он. — Не буду.

— Он жив, — сказал Костя.

— Тогда почему у вас такие лица?

Костя не ответил.

Он сидел у костра с этим третий день и ни разу никому не сказал.

Не про Курта в стене — про это знали все четверо. И все четверо об этом молчали, каждый по своей причине. Он не сказал другого.

Того, что Курт видел его цифру. Что она у него шла дважды. Что первый раз она дошла до сотни и ее сняли, как снимают отработанную смену. И поставили заново с нуля.

Он поднял глаза в темный угол, где стояла строка.

(Готовность: 4%.)

Четыре процента. Столько, сколько назвал ему Курт из

стены три дня назад. С тех пор цифра не двинулась ни разу. Костя все равно проверял ее каждое утро первым делом — как проверяют, не пошел ли шов.

Он смотрел на нее и думал про Тягача, который встал в двадцати шагах, посмотрел и не тронул.

— Костя, — сказала Нора.

— Что.

— Ты вторые сутки смотришь в пустое место справа от себя.

Он повернул голову.

Она сидела близко. Лицо у нее было внимательное, не любопытное. Разница между этими двумя вещами была в том, что от любопытства можно отшутиться.

— Курт тоже так делал, — сказала Нора. — В пади. За два дня до того, как его утащило.

— Нора.

— Я не спрашиваю, — сказала она. — Я говорю, что заметила. Захочешь — скажешь.

Она подтянула колчан к себе и легла на бок, лицом к костру.

— Только скажи до того, как станет поздно, — сказала она. — А не после.

Ночь была тихая до третьего часа.

А в третий час Явира встала.

Костя не спал. Он лежал, смотрел на угли и первым увидел, как она поднялась с земли, — без звука, разом, как под-

нимается механизм.

Она встала лицом к северной стене частокола и не пошевелилась больше.

— Бьорн, — сказал Костя.

Здоровяк открыл глаза сразу.

Он посмотрел на волчицу. Через секунду встал сам.

— Что она слышит? — сказал Костя.

— Не знаю. Но она так стояла в зале с коконами.

Костя поднялся, взял щит и пошел к северной стене.

На помосте у стены сидел деревенский, молодой, с само-стрелом на коленях. Клевал носом.

— Слушай, — сказал ему Костя. — Что там?

— Где?

— За стеной.

Парень поморгал, встал и высунулся между заостренных бревен.

— Ничего, — сказал он. — Тихо.

И вот тут Костя понял, что именно неправильно.

Тихо и было неправильно.

Две недели в этой деревне, каждую ночь, снаружи стоял звон. Джунгли за частоколом никогда не молчали: там пело, скрипело, шелкало, кто-то бегал по листьям. Костя привык засыпать под это, как привыкают засыпать под шум трассы.

Сейчас за стеной не было ни одного звука.

— Буди старшего, — сказал он.

Первое пришло через десять минут. Это была не тварь.

Это были обезьяны.

Они шли по земле, а не по деревьям, шли плотной массой, сотни. Они не нападали. Они бежали. Прошли под самым частоколом, обтекли его с двух сторон, ушли на юг. От их топота гудел настил под ногами.

За ними — стадо тех безглазых свиней, которых Нора называла жирными. За свиньями — птицы, низко, над самой землей, тоже на юг.

Деревня к этому времени встала вся. Люди высыпали на улицу полуодетые и смотрели, как мимо их частокола на юг уходит весь этаж.

— Они не от нас бегут, — сказала Нора. Она стояла рядом с луком, держала на тетиве зубчатую. — Костя, они не от нас. Они через нас бегут. Мы им не интересны.

— Значит, сзади интереснее.

Пим протолкался к ним. Он был без рубахи. Костя первый раз увидел, какое у него тело — старое, как руки, и это не сходилась с лицом так сильно, что смотреть было тяжело.

— Двадцать два года, — сказал Пим.

— Что?

— Я тут двадцать два года, спаситель. — Он схватился за бревно и подтянулся, чтобы видеть поверх. — Я тут привратник, я тут все знаю. Такого не было.

— Звери уходят.

— Звери и раньше уходили, — сказал Пим. — Когда он шел, они уходили.

— Кто?

Пим не ответил.

Он смотрел за частокол, на север.

И тогда Костя услышал.

Тум.

Один звук, глухой и низкий, откуда-то из-за полога, далеко. От него в бочке с водой у стены качнулась поверхность и пошла кругами.

Костя стоял и не дышал.

Тум.

Он это слышал один раз в жизни, месяц назад, в затопленном лесу, лежа лицом в теплой воде. Он тогда не дышал так же.

— Пим, — сказал он. — Скажи, что это не он.

Привратник вцепился в бревно обеими руками.

— Пастух ходит по северной половине, — сказал он. — Двадцать два года, всегда по одному кругу, я по нему время считал. Он к жилью не подходит, спаситель. Никогда. Ни к нам, ни к тем, что за рекой стояли.

Тум.

Круги в бочке пошли чаще.

— Он идет сюда, — сказал Пим. — И я не знаю почему.

Костя не стал ждать, пока увидит. Он поднял руку и посмотрел строку.

(Пастух. Уровень 18.) (Хозяин уровня.)

Первую цифру он знал. Он прочел ее месяц назад, лежа в

воде, за три сотни шагов от того, как чужая подушка встала на обритого.

А второй строки тогда не было.

Он прочел ее и почувствовал, как холодеет в животе.

Это же слово стояло над Пастырем.

Хозяин уровня. Тот, у которого в мясе шесть или семь человек с закрытыми глазами.

— Восемнадцатый, — сказал он вслух.

— Тот же, — сказала Нора. Она не спрашивала.

— Тот же.

Она молчала пять секунд.

— Мы тогда легли в воду и пролежали, — сказала она. —

А тут частокол и полторы сотни человек, которым лечиться некуда.

Дальше пошло быстро.

Из джунглей на деревню вышли твари. Вышли неправильно.

Костя видел за две недели каждую из них по отдельности. Ползуны жили в сырых низинах у реки. Костогрызы держались падали и никогда не подходили к огню. Плети сидели на деревьях и брали одиночек. Эти три вида не пересекались между собой, не охотились вместе и, если сталкивались, дрались друг с другом.

Сейчас они шли одной волной. Ползуны низом, костогрызы за ними, плети сверху по деревьям.

Они шли к частоколу, не глядя друг на друга.

— Это невозможно, — сказал Дэн. Он стоял рядом с Клыком ловчего в правой руке, и голос у него сел. — Костя, это невозможно, они друг друга жрут.

— Уже нет.

(Внимание. Вы находитесь в зоне активной перестройки биома.) (Уровень будет приведен в соответствие с новой потребностью.)

Строка встала посередине зрения, как встала тогда в полости. Стояла долго.

Костя прочел ее трижды.

— Что там? — сказала Нора. — Костя, у тебя лицо. Что оно тебе пишет?

— «Перестройка биома», — сказал Костя. — И еще что этаж приведут в соответствие с новой потребностью.

— С какой потребностью?

— Оно не сказала.

Первые ползуны дошли до частокола. Деревня заорала.

Пим спрыгнул с помоста и побежал вдоль улицы. Костя услышал, как он кричит, чтобы всех уводили к колодцу и в лечебницу, за камень. Хмара уже стояла в дверях своего двора и заворачивала внутрь женщин с детьми, которых в этой деревне, по словам Норы, вообще не было — а они были. Их выводили сейчас из домов, десятка полтора. Костя понял: их просто не показывали чужим.

Бьорн воткнул знамя в землю посреди улицы.

(Отрядное знамя развернуто. Воля всех в отряде +3,

прочие +2.)

— Костя! — заорал он. — Куда встаем?!

Костя обернулся на север.

Тум.

Звук пришел уже не из-за полога. Он пришел из-за поля, шагов с трехсот, и от него у Кости под сапогами дрогнула земля.

А потом над северной кромкой леса разошлась листва.

Оттуда вышла нога.

Серый суставчатый столб толщиной со ствол пробил полог, пошел вниз сегментами, изогнулся коленом назад, встал в поле за частоколом. Подушка на конце была плоская, гладкая, размером с телегу.

Тум.

Земля поднялась. Бочка у стены опрокинулась.

Самого его не было видно и не могло быть. Он шел по верхам, над сорока метрами кроны, и в темноте над лесом угадывалась только тень, огромная, шевелящаяся, когда листва расходилась под следующей ногой.

Вторая нога встала левее. Третья — за ней.

По серому, снизу до середины, шли круглые вздутия. Костя знал, что в них. Он видел одно вблизи месяц назад и потом жалел, что видел.

Он поднял руку, чтобы позвать своих.

И в углу зрения у него дернулась цифра.

(Готовность: 5%.)

Костя замер.

(Готовность: 6%.)

Он стоял посреди улицы деревни, куда за двадцать два года не приходило то, что сейчас переставляло ноги через ее поле. Слушал, как орут за частоколом. Смотрел, как его собственный счетчик идет вверх сам, без него, по проценту за несколько секунд.

(Готовность: 7%.)

— Костя! — крикнула Нора. — КОСТЯ! Куда встаем?!

Он опустил руку.

— К воротам, — сказал он.

Мое новое произведение. Попаданец в 18 век <https://author.today/work/653506>

Глава 2. Сбор

Частокол держался семь минут.

Костя потом вспоминал именно эту цифру, потому что Пим ее выкрикнул: «семь минут, семь минут, шевелитесь!» — он думал, что стена простоит хотя бы семь, и он угадал.

Ползуны не полезли через бревна. Они полезли под них.

Костя почувствовал это раньше, чем увидел. У него зачесалось под лопаткой — то самое, тупое, что он за две недели научился не обсуждать, а слушать.

(«Чувство беды»: опасность ниже уровня земли.)

— Под стену! — заорал он. — Они идут под стену, отойти от бревен!

Двое послушались. Третий не успел.

Земля у частокола вспучилась пузырем и лопнула. Оттуда вышла плоская голова с двумя рядами загнутых назад зубов. Она вышла между сапог того, кто не отошел, и взяла его сразу за оба.

(Ползун. Уровень 8.)

Костя дошел в два шага и опустил щит краем, всем весом, в стык между панцирем и головой.

Хрустнуло.

Тварь дернулась, разжала челюсть. Он вбил меч сверху вниз, под основание черепа, туда, где панцирь кончался мягким.

(Меч поручителя: цель нанесла урон вашему отряду. Удар наносит вдвое.)

Костя выдернул клинок и на секунду встал.

Строка была неправильная.

Он таскал этот меч с восьмого этажа и знал его условие наизусть: вдвое бьет только по тому, кто уже пустил кровь его отряду. На карнизе в кармане он четыре раза получал отдачу в плечо и четыре раза читал «особое свойство не применено», пока кормилец не достал Бьорна.

А тут в отряде было четыре человека, и ни одного из них эта тварь не касалась.

Она взяла деревенского мужика за сапоги. Человека, которого Костя не знал по имени и увидел впервые вчера.

(Убит: Ползун, ур. 8. Добывающий удар: Костя.) (Костя: опыт +2%.)

Два процента.

Он посмотрел на строку с процентами, потом выше, на ту, которая про меч, и понял, что это будет очень длинная ночь.

Земля вспучилась в шести местах разом.

Нора работала сверху, с помоста. Костя слышал ее раньше, чем увидел, что она делает.

— Этот! — крикнула она. — Костя, этот твой, я пометила!

Он поднял голову.

Над одним из ползунов — тем, что уже прошел под бревнами наполовину и был крупнее прочих, — висела короткая зарубка. Она не светилась и не мигала. Она просто была там,

как царапина на стекле, и от нее у Кости в руках сразу стало легче.

(«Метка охотника» наложена.)

Он ударил в панцирь.

В любую другую минуту меч отскочил бы. Панцирь у ползуна был толщиной в палец и гладкий, как мокрый камень. Костя за две недели три раза пробовал бить в спину и три раза получал отдачу в плечо.

Сейчас клинок вошел на две ладони.

(Метка охотника: урон повышен.) (Меч поручителя: цель нанесла урон вашему отряду. Удар наносит вдвое.)

Тварь завизжала, развернулась. Костя добил ее в голову, как учили.

(Убит: Ползун, ур. 8. Добывающий удар: Костя.) (Костя: опыт +2%. Нора: опыт +1%.)

Стрела Норы лежала рядом в грязи. Целая.

(«Экономия»: стрела не израсходована.)

— Подними! — крикнула она сверху. — Костя, подними, не топчи!

Он поднял и сунул в сапог. В этой мелочи, посреди всего, было что-то настолько ее, что он на секунду усмехнулся.

— Нора! — крикнул он вверх. — Мой меч работает.

— Он у тебя всегда работает!

— Он работает по тем, кто ранил наших. А он берет по всем.

Нора наложила стрелу и ответила, не поворачивая головы:

— Значит, оно теперь считает наших шире, чем ты.

Костя открыл рот и не нашел, что сказать.

Потом пролом расширился. Стало не смешно.

Бьорн сбросил мешок.

Он сделал это посреди улицы. Костя обернулся на движение — здоровяк расстегивал пояс.

— Бьорн?

— Тут поле, — сказал Бьорн. — Костя, тут наконец поле.

Он бросил пояс. Опустился на четвереньки и уперся ладонями в землю.

Костя не видел этого больше двух недель. В галерее он не влез. В коридоре не влез. На карнизе не влез — там он матерился и брал топор. А в мясной полости он уже не брал ничего короче двуручного клинка, потому что к тому времени лысый успел отдать ему легендарку.

Здесь над ним было сорок метров кроны и шесть шагов улицы.

Спина у Бьорна пошла вверх.

Она пошла не рывком. Она поехала, как едет вода под тонким льдом — сначала загривок, потом лопатки, потом все остальное. Рубаха на нем лопнула по шву от воротника до низа. Руки укоротились и стали толще. Кисти разошлись, и из них вышло то, что уже не было пальцами.

Он поднял голову. Головы не было. Была морда, длинная, седая по хребту носа, с маленькими глазами, поставленными близко.

Он встал.

(Оборот: Медведь. Резерв израсходован.) («Толстая шкура»: броня повышена.)

Он был выше Кости на полторы головы. Он занял собой всю улицу от плетня до плетня. Когда он рывкнул, у Кости заложило правое ухо.

Новенькие, стоявшие в двадцати шагах, попятились всей группой.

— СВОЙ! — заорал Костя. — Он свой, не стреляйте! Не стреляйте в медведя, мать вашу!

Бьорн пошел в пролом.

Он не рубил и не кусал по одному. Он вошел в кучу ползунов боком, как входит телега в толпу. И стал грести.

Костя видел, как он берет первого лапой за край панциря и отрывает от земли. Панцирь шел с хрустом: тварь весит центнер, а лапа держит только за кромку. Как он бьет второго сверху и тот складывается пополам, внутрь, панцирем в панцирь. Как третий цепляется ему в бок и висит, и он не обращает внимания, потому что толстая шкура держит.

(Убито: Ползун, ур. 8 — 4.) (Бьорн: опыт +8%. Костя: опыт +3%. Дэн: опыт +3%. Нора: опыт +3%.)

— Вот теперь работаем, — сказал Костя.

Деревня встала на стену вся.

Слева от Кости оказались двое из отряда Сивого. Сам Сивый был третьим, с тем легендарным двуручником, от которого шел синий. Работал он так, что Костя на секунду забыл

про своих тварей и просто смотрел.

Справа встали новенькие.

Их привели из мертвого леса вчера утром, двадцать два человека. Они еще ходили по деревне с тем лицом, которое Костя помнил у себя: лицо человека, который вчера умер и сегодня утром это понял. У половины было оружие за две искры. У троих не было никакого.

Они все равно встали.

— Куда бить?! — заорал кто-то из них Косте в затылок.

— Мужик, куда его бить?!

— Под голову, снизу вверх! Не в панцирь!

— А если он развернется?!

— Он развернется!

Дэн исчез на четвертой минуте.

Костя обернулся его искать и не нашел. У него на секунду оборвалось внутри. Потом он посмотрел вниз.

Настил в деревне лежал на низких сваях. Под ним было полторы ладони пустоты. Дэн ушел туда.

Костя увидел его через щель между досок. Пацан лежал на боку, вытянувшись, и ждал.

Ползун прошел над ним по настилу.

Дэн взял его снизу, сквозь щель, в сочленение задней лапы. Он не бил. Он вставил Клык и повел лезвие вбок. Из щели плеснуло темным.

(«Кровопуск» применен. Цель истекает.)

Тварь не умерла. Она даже не остановилась. Она прошла

еще шагов десять, взяла деревенского за руку и потащила. Только потом ее повело в сторону. Она села на брюхо и через полминуты перестала двигаться.

(Убит: Ползун, ур. 8. Кровопуск. Добивающий удар: Дэн.) (Дэн: опыт +2%.)

Дэн вылез из-под настила у Костиной ноги, весь в грязи.

— Он полминуты еще ходил, — сказал он.

— Я видел.

— Костя, он полминуты ходил и успел человека взять. — Пацан вытер Клык о штанину.

— Кровопуск не работает в толпе. Он работает, когда один на один и есть время подождать. А тут ждать нельзя.

— Тогда не режь. Бей в голову.

— У меня Сила два, — сказал Дэн. — Я в голову не пробью.

Он сказал это без жалобы.

Потом посмотрел на Клык.

— Я буду резать по трое, — сказал он. — Пусть все текут. Кто-нибудь да сядет вовремя.

Он ушел обратно под настил.

Костоглоты пошли в дело на десятой минуте.

Костя увидел, зачем они стояли в поле и ждали, и от этого стало понятнее и хуже.

Они пришли не драться. Они пришли к бревнам.

Первый встал у пролома, где подкопались ползуны, и взял бревно челюстью поперек — той самой, которой перекусыв-

вал кости. Дерево пошло с треском, как идет сырая ветка. Второй встал рядом и взял следующее. Третий полез в щель между ними и стал разбирать землю грудью, своими лопатами.

Пролом на глазах стал вдвое шире.

(Костоглот. Уровень 7.)

— Они стену жрут! — заорала Нора сверху.

— Бьорн!

Медведь развернулся в улице всем телом и пошел на пролом.

Костоглот против него не встал. Он был плоский, широкий, тяжелый и седьмого уровня, а сверху на него шел центнер бурой шерсти с толстой шкурой. Бьорн наступил ему на спину передней лапой и продавил.

Дальше работали вчетвером и работали быстро, потому что каждое перекушенное бревно стоило деревне минуту.

Нора била сверху в челюстное сочленение — единственное место, где у костоглота не было кости. Дэн выходил из-под настила, резал по три и уходил обратно. Костя держал вход в пролом со щитом.

(Уничтожено: Костоглот, ур. 7 — 9.) (Бьорн: опыт +6%. Костя: опыт +4%. Дэн: опыт +4%. Нора: опыт +4%.)

(Дэн: достигнут двенадцатый уровень.) (Тело выпрявлено.) (Свободных очков: 1.) (Сундук уровня доступен.)

Дэн выпрямился посреди улицы и постоял.

Костя обернулся на него.

— Что?

— Двенадцатый, — сказал Дэн.

— Сейчас?!

— Сейчас. — Пацан смотрел на собственные руки и сгибал их. — Мне ребра выправило. Я и не знал, что у меня ребра.

— Вкладывай, — сказал Костя.

— Тут?

— Тут. Не носи его в кармане, потеряешь минуту, когда она понадобится.

Дэн вложил сразу, не спрашивая, куда.

(Дэн: Сила 2 → 3.)

— В Силу? — сказал Костя.

— Я тебе полчаса назад сказал, что не пробиваю голову. — Дэн вытер Клык. — Так и не пробиваю. Кровопуск это лечит наполовину.

— Ловкость тебе жизнь спасает.

— У стены мне Ловкость не нужна, — сказал Дэн. — У стены мне некуда прыгать. Мне надо бить.

Он ушел обратно под настил, и Костя не стал спорить.

Новенького выпотрошили у Кости на глазах.

Тот самый парень с самострелом, который ночью клевал носом на помосте, стоял на коленях над своим товарищем и пытался запихнуть обратно то, что вышло у того из живота. Товарищ был еще жив. Он говорил ему что-то в лицо, быстро

и тихо.

Костя дошел до них и опустился рядом.

Он смотрел три секунды.

По его двенадцати годам этого человека вытащить было нельзя. Ни в какой машине, ни в какой больнице, ни в какие руки.

По правилам Башни — можно.

Он положил ладонь ему на грудь.

(«Второе дыхание» применено.)

Из Кости пошло сияние.

Он забыл, как это. Он применял это в последний раз девять дней назад, на Курте в пади. С тех пор было не до того. Оно шло не из руки и не из груди. Оно шло откуда-то из-под сердца, и по дороге забирало все, что попадалось: тепло из пальцев, слух, часть зрения по краям.

Он услышал, как под ладонью начало срастаться. К этому звуку нельзя привыкнуть.

(Цель стабилизирована.) (Ваш резерв: 2/10. Выносимость временно снижена.)

Костя сел на землю.

Он сидел с полминуты и смотрел, как парень с самострелом вцепился в товарища и трясет его за плечи. А товарищ, живой и целый, отпихивал его: «уйди, уйди, дай встать».

— Мужик, — сказал парень, обернувшись. — Мужик, ты что сделал?

— Ничего, — сказал Костя. — Дай руку, подними меня.

Двор лечебницы Костя увидел, когда пробивался к колодезю.

Хмара стояла в воротах своего двора с топором. Не с лекарским ножом — с обычным колуном на длинной рукояти. Держала правильно, снизу, как держит человек, который этим когда-то работал.

За ее спиной, во дворе, было полно людей.

Костя заглянул через плечо и на секунду перестал понимать, что видит.

Дети. Пятнадцать, может, двадцать. Разного возраста, от совсем малых до подростков. С ними десяток женщин. У каждой на руках или у ноги кто-то был.

За две недели в этой деревне Костя не видел ни одного ребенка. Нора это сказала вслух еще на девятый день. Тут нет детей и нет стариков. Так не бывает.

— Хмара. Откуда.

— Отсюда, — сказала Хмара. — Они тут родились. Где им еще быть.

— Почему их не видно?

Она глянула на него так, что он понял: сейчас будет ответ, от которого станет хуже.

— Потому что я их прячу, — сказала Хмара. — Одиннадцать лет прячу. По двум погребам и под лечебницей.

— От кого?

— От Мамки.

Костя стоял в горящей деревне, с чужой кровью на щите.

Слушал.

— Мамка берет маленьких, — сказала Хмара. — Не жрет. Берет и уносит в дерево. Я не знаю, зачем ей. Никто не знает. А я одиннадцать лет назад видела своими глазами, как она забрала девочку с улицы посреди дня. Никто не успел даже крикнуть.

Костя оглянулся на своих.

Лита стояла у ворот, на забинтованной ноге, и смотрела не на Хмару и не на детей — она смотрела в землю перед собой, и лицо у нее было такое, будто ей рассказали что-то, что она уже знала.

Костя не спросил. Времени не было, а лезть не по делу — тем более.

Она переложила колун.

— С тех пор дети у меня в погребах, — сказала она. — Матери с ними. Выходят по ночам, во двор, на час. Вот и вся жизнь.

— Одиннадцать лет?

— У меня старший в погребе родился и в погребе вырос, — сказала Хмара. — Ему одиннадцать. Он поле видел четыре раза.

Тум.

Земля толкнулась в сапоги.

Хмара подняла голову к северу и стала слушать.

— А теперь пришло вот это, — сказала она. — И я их из погребов вывела, потому что если он на лечебницу встанет,

то раздавит их.

Костя пошел дальше.

Он шел к колодцу через улицу. Вот на этой улице до него и дошло то, чего он не понимал последние двадцать минут.

Ползун тащил человека.

Он тащил мужика, деревенского, живого. Тот орал и упирался, левая нога у него была сломана. Ползун держал его за плечо челюстью и тащил не в кусты, не в тень, не под настил.

Он тащил его к северной стене. Наружу. В поле.

Костя догнал их в четыре прыжка и вбил меч в основание головы.

(Меч поручителя: цель нанесла урон вашему отряду. Удар наносит вдвое.) (Убит: Ползун, ур. 8. Добывающий удар: Костя.) (Достигнут двенадцатый уровень.) (Рубеж. Тело выправлено. Резерв восстановлен.) (Свободных очков: 1.) (Сундук уровня доступен.)

Тепло прошло по нему снизу вверх. В этом тепле вернулось все, что он отдал новенькому четверть часа назад: слух встал на место, края зрения перестали быть серыми.

Костя стоял над мертвой тварью, целый и полный, и в первый раз за эту ночь ему стало по-настоящему тошно. Ему выправили тело за то, что он убил ту, которая тащила человека. А человек лежал в двух шагах и держался за плечо.

Очко он вложил там же, стоя.

(Костя: Интеллект 4 → 5.)

Мужик остался лежать на земле, целый, с прокушенным

плечом и сломанной ногой. Не съеденный.

Костя оглянулся.

Их было много. Он просто не смотрел раньше в ту сторону.

По всей улице ползуны тащили людей. Не всех. Только тех, кто был живой и целый, — раненых и мертвых они переступали. Одни тащили за плечо. Другие подкапывались и брали снизу. Третьи волокли по двое.

Все — на север. Все — в поле.

К ногам.

— Они не жрут, — сказал Костя вслух. Никто его не услышал. — Они собирают.

Он вспомнил серые вздутия на суставчатых столбах. Тело, вросшее в чужую плоть по грудь, головой вниз, с открытыми глазами.

Их надо откуда-то брать.

Пим нашел его у колодца через минуту.

Привратник был весь в крови. В правой руке он держал короткое копьё. Левая висела.

— Не удержим, — сказал он. — Спаситель, слушай сюда, мы это не удержим. Стену уже прошли в шести местах.

— Знаю.

— Я веду людей к воротам, — сказал Пим. — Тут два часа хода по южной дороге. Другого у нас нет.

— Сколько людей?

— С новенькими — сто шестьдесят с чем-то, — сказал

Пим. — Из них половина не бойцы.

Костя посмотрел на север.

Между домов, над крышами, в темноте, опускался следующий столб. Он опускался медленно, буднично. Было видно, что он не выбирает, куда встать.

Он просто шел. А деревня оказалась там, где ему идти.
Тум.

Восточный край улицы поднялся и сложился внутрь себя.
Три дома, сарай, часть настила.

Крики оттуда шли еще секунд двадцать.

— Веди, — сказал Костя. — Мы прикроем сзади.

— Спаситель, у меня рука.

— Я вижу твою руку, Пим, веди людей. Они за тобой пойдут, а за мной нет.

Пим постоял секунду.

— Ты чего сзади останешься? — сказал он. — Тебе-то что до нас.

Костя не ответил, потому что у него в углу зрения в эту секунду дернулась цифра.

(Готовность: 9%.)

Уходили сорок минут.

Костя потом не мог вспомнить эти сорок минут связно. Осталось кусками.

Осталось, как Сивый со своими двумя встал в проломе у восточной стены и держал его один, широко, двуручником. Как он кивнул Косте через улицу — так же, как кивал в та-

верне через зал. Как Костя кивнул в ответ. Оба поняли, что это последний раз.

Осталось, как Бьорн-медведь сел посреди улицы и стал человеком обратно — не потому, что захотел, а потому, что кончился резерв. Осталось, как он сидел голый по пояс, в лопнувшей рубахе, и дышал так, что было слышно через двадцать шагов. Как Явира легла ему на ноги и не ушла.

Осталось, как Дэн подставил плечо Лите под руку и потащил ее бегом, потому что на забинтованную ногу она не могла ступить сама, а идти шагом было нельзя. Осталось, как она один раз попробовала его оттолкнуть — «я сама, иди помогай кому надо», — и как он ей не ответил и просто перехватил крепче.

Осталось, как женщина из хмариного двора несла двоих сразу, своего и чужого. Как у нее на середине улицы подломились ноги. Как она села, не отпустив ни одного.

Костя дошел до нее и поднял обоих детей сам.

(«Чужая ноша легче»: броня повышена.) (Готовность: 10%.)

Он бежал с двумя детьми на руках и читал в углу зрения, как растет его счетчик. Он не мог ни выбросить детей, ни перестать читать.

Щит подвел его на выходе из деревни.

Ползун вышел из-под настила справа. Рядом с Костей стояла девочка лет девяти. Костя сделал то, что делал двенадцать лет и что делал в этой Башне каждый день: шагнул

между и накрыл ее щитом.

Челюсть ударила в окованный край.

(Щит поручителя: удар, направленный в стоящего рядом, принят.) («Долг тела»: урон по прикрываемому повышен на четверть.)

Девочка закричала.

Костя не понял сначала. Он держал щит, он принял удар на себя, он все сделал правильно. А девочка сидела на земле, держалась за руку выше локтя. Рука была сломана.

Он смотрел на нее. Потом на строку. Потом понял.

Ползун ее не касался. Ее сломало то, что он ее прикрыл.

— Костя! — заорала Нора сзади. — Костя, что ты стоишь?!

Он поднял девочку на руки и понес, а через двадцать шагов передал ее первому, у кого были свободные руки, — тому самому парню с самострелом, который час назад тряс за плечи ожившего товарища.

— Держи. И не отпускай.

Он шел дальше и первый раз в жизни думал о своем щите как о вещи, которую надо снять.

Хмара осталась.

Костя узнал об этом на южной дороге, в лесу. Колонна уже вытянулась и шла. Он в третий раз пересчитывал тех, кто шел последним.

— Где Хмара?

Женщина из ее двора обернулась.

— Вернулась, — сказала она.

— Куда вернулась?!

— В лечебницу. — Женщина прижимала к себе ребенка и говорила ему в макушку, не Косте. — Там двое остались. Которые не встают. Она сказала, что вынесет их.

Костя посмотрел назад.

Отсюда, с дороги, деревня была уже вся оранжевая. Горела не солома — горело все, потому что при последнем ударе опрокинулись жаровни в кузне. Над огнем стояли столбы, четыре или пять. Они опускались и поднимались в свой черед. По каждому шли круглые вздутия.

Два часа хода. Она бы не вернулась и за час.

— Бьорн. Держи хвост строя. Я туда.

— Костя.

— Держи хвост, я сказал.

— Костя. — Здоровяк не двинулся с места и не отвел глаз.

— Ты не дойдешь. Там столбы по улице и там уже все.

— Она вынесла Норе плечо утром перед карманом. За третью категорию, шесть искр.

— Я знаю.

— Она одиннадцать лет держала в погребе двадцать детей, — сказал Костя. — Одна. Одиннадцать лет.

— Я знаю, — сказал Бьорн. — И она за ними вернулась, потому что она такая. И ты не дойдешь.

Костя стоял на дороге и смотрел, как горит.

Он не пошел.

Он потом двадцать раз возвращался к этой минуте. Каждый раз находил новую причину, почему не пошел. Все причины были настоящие: сто шестьдесят человек в колонне, двое детей на руках, Пим с висящей рукой во главе, два часа хода до врат.

И была еще одна, от которой все остальные становились хуже.

Рубеж уровня полчаса назад вернул ему резерв. Полный, до края, впервые за всю ночь. Он мог дойти, положить ладонь и вытащить если не Хмару, то одного из тех двоих, за кем она пошла.

У него было чем. Он не пошел.

И еще была правда, что он посмотрел на столбы и испугался.

(Выбыла: Хмара.) (Готовность: 11%.)

Костя прочел обе строки одну за другой.

Вторая пришла через секунду после первой. В этой последовательности было что-то настолько мерзкое, что он остановился посреди дороги и постоял.

Тум.

Он поднял голову.

Он стоял и слушал, и через семь секунд услышал снова, и вот тут у него по спине пошло холодом.

Тум.

Звук шел не оттуда, где горела деревня.

Он шел левее. Он шел от той стороны, где деревни уже не

было, — и с каждым разом он был ближе не к пожару, а к дороге.

— Пим! — заорал Костя вдоль колонны. — ПИМ!

Привратник обернулся через сорок шагов людей.

— Он что делает? — крикнул Костя. — Он всегда ходил по кругу. Он всегда возвращался?

— Всегда!

— А сейчас?

Пим постоял, слушая. Костя видел его лицо через головы и видел, как оно меняется.

— Он сворачивает, — сказал Пим.

Тум.

Костя посмотрел на колонну. Сто шестьдесят человек тянулись по южной дороге, растянувшись на четверть километра, с детьми, с ранеными, со всем, что успели схватить.

Деревня за спиной догорала пустая. В ней больше не было ни одного живого тела.

— Он идет не за домами, — сказал Костя. — Он идет за нами.

Глава 3. Зеленый град

Твари догнали колонну через час.

Они догнали ее в самом плохом месте — там, где южная дорога шла между двух склонов и сужалась до четырех шагов.

Костя увидел это место раньше, чем увидел тварей, и понял, чем оно кончится.

Он стоял на повороте, пропускал колонну мимо себя и считал. Четыре шага ширины. Сто шестьдесят человек. Полтора часа до врат.

Если сюда войдут ползуны, колонна встанет пробкой. Пробку разбирают снизу, по одному, и уносят на север.

— Бьорн, — сказал он. — Слушай меня, я скажу один раз, потому что потом будет некогда.

— Говори.

— Мы тут не выживаем. Мы тут не отбиваемся и не отступаем. — Костя смотрел на проходящих. Женщина с двумя детьми. Девочка со сломанной рукой. Парень с самострелом, который тащил своего товарища, зашитого чужой силой полтора часа назад. — Мы держим четыре шага, пока по ним не пройдут все.

— А если не удержим?

— Если не удержим, их не убьют, — сказал Костя. — Их соберут. Их всех до одного дотащат до ног и вставят в него.

Двадцать детей, которых баба одиннадцать лет прятала в погребу.

Бьорн помолчал.

— Ты это вслух зачем говоришь?

— Чтобы я сам слышал, — сказал Костя.

Первыми пришли плети. Они шли по деревьям, сверху. Тут не было частокола, тут все шли открыто — и они наконец пошли в дело.

Костя увидел первую до того, как она ударила, и не сразу понял, на что смотрит.

Это была не тварь, сидящая на ветке. Это была сама ветка — длинная, гладкая, безлистая, цвета мокрой коры, — и она росла прямо из ствола, как растет обычный сук, и в этом и был весь ужас: отличить живую плеть от мертвого дерева нельзя было, пока она не двинется. На конце у нее не было ни пасти, ни глаз. Было утолщение, похожее на кулак, и в утолщении — что-то вроде присоски, темной, влажной, которая сжималась и разжималась сама, будто дышала.

Первая взяла человека из середины колонны.

Костя услышал не крик, а свист — длинный, тонкий, как от кнута. Когда он обернулся, человека уже поднимали в кроны.

(Плеть. Уровень 9.)

— Всем вниз! — заорал он. — Прижаться к склону! Не по центру дороги!

Детей он снял с себя первым делом. Он неся с ними от

самой деревни, двоих. Все это время у него была занята левая рука, а значит, не было щита.

— Возьми, — сказал он женщине у склона, той, которая уже держала своего. — Возьми обоих, я не могу драться с ними.

Она взяла молча, всех трех. Села на землю, накрыв их собой.

Дэн в этот момент вел Литу под руку, и первое, что он сделал, — прижал ее к откосу, спиной к камню, между двух женщин.

— Здесь, — сказал он. — Не отходи от них, они тебя закроют. Мне надо туда.

— Иди, — сказала Лита.

Он уже не слушал, потому что вторая плеть взяла женщину с ребенком.

Она взяла ее за пояс, оторвала от земли и потащила вверх, а ребенок остался стоять на дороге и смотрел, как мать уходит в листву.

Дэна Костя увидел уже на склоне.

Пацан шел вверх по глине на четвереньках, боком, быстро — и Костя понял, что он делает, только когда тот прыгнул.

Он прыгнул с высоты трех человеческих ростов, с обрыва, не на плеть, а на ветку рядом. Ухватился одной рукой, повис, качнулся — и оказался у того места, где отросток входил в ствол, там, где кора была живой и розовой, не такой, как на самой плети.

Он ударил трижды в одну точку.

(«Три удара» применены.)

Костя видел это снизу и видел плохо, потому что смотрел против огня. Он увидел, как первый удар вошел на ладонь. Как второй вошел глубже. Как на третьем плоть перебило совсем — не как рубят дерево, а как рвут что-то мышечное, с влажным звуком. Обрубок сорвался с ветки и полетел вниз вместе с женщиной. Она упала на четыре метра в подлесок, мимо дороги.

(Убита: Плоть, ур. 9. Три удара. Добивающий удар: Дэн.) (Дэн: опыт +7%. Костя: опыт +3%. Бьорн: опыт +3%. Нора: опыт +3%.) (Бьорн: достигнут двенадцатый уровень. Свободных очков: 2. Сундук уровня доступен.)

Бьорн вложил оба, не сходя с места.

(Бьорн: Интеллект 2 → 3.) (Бьорн: Выносливость 5 → 6.)

И следом, отдельной строкой, встало то, чего он две недели ждал и о чем в этой драке даже не подумал.

(Требование по уровню предмета выполнено.) (Клинок исповедника: штраф снят. Урон и точность восстановлены.)

Клинок на боку у него на секунду стал теплым, будто в него влили что-то живое, и по лезвию, от рукояти к острию, прошла узкая нитка синего — той же синевы, какая была у него в руках лысого и после гасла у Бьорна из-за низкого уровня.

Бьорн ничего не заметил. Он в этот момент разворачивался к очередному ползуну.

— Оба туда? — крикнул Костя через дорогу.

— Я тебе двадцать минут медведя дал и лег, — крикнул Бьорн в ответ. — Двадцать. А до этого четыре раза не влезал. Мне надо, чтоб хватало.

— А Выносливость зачем?

— Затем, что медведь у менядохлый!

Он рубанул Клинком исповедника — и клинок вошел в панцирь так, как не входил еще ни разу.

Не как палка. Не как чужое железо, которое он таскал две недели с поправкой на собственную слабость. Клинок прошел насквозь, с одного взмаха, и Бьорн от неожиданности качнулся вперед, туда, куда меч его потянул, а не туда, куда он сам метил.

— Твоюмать, — сказал он, глядя на разваленного ползуна. — Костя. Костя, он теперь мой.

— Что?

— Он мой стал! Я двенадцатый, и он двенадцатый, и он теперь бьет как надо, а не как одолжение!

Он взвесил клинок в одной руке — и тот пошел легко, будто за две недели сам стал легче, хотя весил ровно столько же, сколько в первый день у лысого в коридоре.

— Медведь берет мое тело, Костя, а тело у меня пятое по счету! Толстая шкура на пустом мясе держит плохо! Но теперь у меня есть чем работать, даже когда медведя нет!

Дэн спустился по склону на пятках, съехал, встал.

— Живая? — крикнул он, не глядя.

— Живая! — крикнули из подлеска.

— Костя, у меня отката нет, — сказал он, дойдя. — Это раз в бой. Больше не смогу.

За плетями пришли ползуны. Вот тут стало по-настоящему плохо.

Их было столько, что Костя перестал видеть дорогу. Они шли снизу, из подлеска. Шли по склонам. Выходили из земли под самой колонной. Люди побежали, а бежать было некуда: в четырех шагах ширины сто шестьдесят человек стали пробкой.

И тогда Костя понял, что дерется не только он.

Спереди, с головы колонны, донеслось железо. Он не мог туда пробиться и первые минуты вообще не знал, кто там стоит. Потом сверху, со склона, увидел синий отсвет.

Сивый.

Он догнал их по южной дороге неизвестно как, и он был один. Двоих своих, тех, что стояли с ним в проломе у восточной стены, с ним не было. Он держал голову колонны двуручником, широко, на всю ширину дороги. Работал в той же манере, в какой Костя один раз засмотрелся на него в деревне: без замаха, короткими проворотами кисти, будто не рубил, а отмахивался от чего-то надоевшего.

Он не кричал и не звал на помощь. Он просто не пускал их дальше себя.

В середине колонны работали еще двое — не Костины и не Сивого. Отряд «болотников», четверо, с длинными крюками на палках, которыми они в мирное время таскали из воды что-то съедобное. Они цепляли ползунов крюком за кромку панциря и валили на спину. Перевернутый ползун полминуты не мог встать. Своими крюками они за ту ночь перевернули больше, чем Костя убил мечом.

И еще один отряд, шестеро, имени которых Костя так и не узнал. Они держали хвост и потеряли за ночь трех.

Вот тогда до него дошло, почему колонна еще идет.

Не потому, что он умный и вовремя сообразил положить всех на землю. А потому что вдоль этих четырех шагов ширины стояло человек двадцать. Каждый дрался на своем месте и никого не ждал.

Дэн работал у левого склона.

Он убил третьего, развернулся — и почти достал Клыком женщину, которая на него налетела.

(«Голод клинка»: защита отряда не гасит ваши удары по своим.)

Он отвел руку с усилием, всем телом. Костя увидел это через головы. И увидел лицо пацана, когда тот понял, что почти сделал.

Потом Дэна прижали к склону.

Он оказался спиной в глину, с двумя ползунами перед собой. Деваться ему было некуда. Костя рванул к нему и не успевал.

Пацан не полез вверх. Он остался стоять.

(«Крайняя стена»: пути к отступлению нет. Ваш урон повышен.)

Он взял первого не в лапу и не в бок. Он взял его в глотку, снизу, обеими руками на рукояти, и провернул. Костя увидел, как у ползуна с восемью Выносливости голова пошла вбок. Тварь села.

(Убит: Ползун, ур. 8. Крайняя стена. Добивающий удар: Дэн.)

Дэн стоял у склона, весь черный, дышал через рот.

— Костя! — крикнул он. — У стены я сильнее! Ставь меня к стене!

— Нора! — заорал Костя. — Нора, град!

Она обернулась к нему с помоста, которого тут не было, — с камня у обочины, куда влезла, чтобы видеть.

— Шесть стрел! — крикнула она. — Костя, это шесть стрел насовсем!

— Я знаю!

— У меня их сорок шесть!

— Нора!

Она посмотрела на дорогу.

Костя понимал, что она видит. Она видела то же, что и он: четыре шага ширины, сто шестьдесят человек, ползуны идут снизу и с двух склонов. Дальше будет только хуже.

— ВСЕМ ЛЕЖАТЬ! — заорала она. — ВСЕМ НА ЗЕМЛЮ, ЛИЦОМ ВНИЗ! КТО СТОИТ, ТОГО ЗАДЕНЕТ!

Колонна легла.

Она легла не сразу и не вся. Пим орал вдоль дороги, женщины валили детей, кто-то не понял и стоял, пока его не сбили с ног свои. Костя рухнул сам и накрыл щитом двоих, до которых дотянулся.

Нора наложила одну стрелу.

Костя, лежа, видел ее снизу: она стояла на камне выпрямившись, одна во всей колонне, и ни на кого не смотрела: это надо было делать быстро.

Она выстрелила вертикально вверх.

Стрела ушла в темноту между кронами и пропала. Секунду ничего не было.

Потом небо над дорогой стало зеленым.

Костя видел это второй раз в жизни и второй раз не понял, что видит. Сверху, оттуда, где пропала стрела, пошел свет — не луч, а ливень, косой, частый, ровный по всей площади. Он шел медленно, будто вода в стоячем воздухе. Он был зеленый. От него стало светло, как днем.

Он дошел до земли и стал стрелами.

Не превратился на глазах, а просто: вот еще падает свет, а вот уже, за полшага до земли, летят стрелы — настоящие, тяжелые, с гранеными наконечниками. Их сотни.

Они прошли над лежащими.

Костя лежал на дороге, накрыв двоих. Над ним в полуметре шло железо. Он слышал, как оно идет — сплошным шелестом, как крупный дождь по жести.

Ползунов подняло на дыбы.

Град взял их в спину и в бок, сверху, туда, куда никто из отряда не мог достать за две недели. Панцирь держит удар с боку. Панцирь не держит стрелу, которая падает с двадцати метров вертикально.

(«Зеленый град» применен. Расход: 6 стрел безвозвратно.) (Уничтожено: Ползун, ур. 8 — 34. Плеть, ур. 9 — 2.) (Нора: опыт +52%. Костя: опыт +23%. Дэн: опыт +23%. Бьорн: опыт +23%.) (Нора: достигнут двенадцатый уровень. Свободных очков: 2. Сундук уровня доступен.)

Стало тихо.

Костя поднял голову. Дорога впереди была утыкана стрелами, как гребень. Между стрел лежало то, что ими прибило.

Нора села на камне.

Она села мешком, свесив руки. Из носа у нее пошло сразу и сильно. Лук она не выпустила, но держала его на коленях как палку.

Костя добрался до нее по стрелам.

— Живая?

— В глазах темно, — сказала она. — Минуты на три. Так всегда.

Потом она на секунду перестала дышать.

— Костя.

— Что.

— Двенадцатый, — сказала Нора.

Она сказала это в землю, не поднимая головы, и голос у нее сел.

— Сколько тебе не хватало?

— Восемнадцать процентов. Я их три недели добирала. А тут за один выстрел.

Она вытерла нос ребром ладони и посмотрела на кровь.

— Двенадцатый и шесть Силы, — сказала она. — Все, что он просит. Все, кроме искр.

Потом подняла руку и вложила оба очка, не дожидаясь, пока перестанет идти кровь.

(Нора: Интеллект 2 → 3.) (Нора: Интеллект 3 → 4.)

— В Интеллект? — сказал Костя. — Нора, у тебя лук.

— У меня град, — сказала Нора. — Град стоит шесть стрел и три минуты слепоты, и я могу его один раз за бой, потому что после второго я лягу.

Она наконец подняла голову.

— Я хочу два раза, — сказала она. — Сегодня хватило бы двух.

Явиру порвали, пока собирали стрелы.

Она взяла ползуна у самой земли и держала, пока Нора — уже с двумя целыми стрелами в руке, шатаясь — не всадила зубчатую. Вторая тварь зашла ей сбоку и порвала бок.

Бьорн заорал.

Он заорал так, что часть колонны обернулась на него, а не на тварей. Схватился за собственный бок — за то место, где у него не было никакой раны. Его повело.

(«Чужой поводок»: вы чувствуете боль призванной как свою.)

— Бьорн! — Костя пробился к нему. — Бьорн, смотри на меня!

— Ее рвут, — сказал Бьорн сквозь зубы. — Костя, ее там рвут.

— Отзови ее!

— Я не могу ее отозвать! Ошейник не снимается на живую!

— Обернись!

— Я пустой! — заорал Бьорн ему в лицо. — Я в деревне все спустил! Я тебе медведя дал на двадцать минут! Больше нет. Я себе полчаса назад пятерку в Интеллект собрал, и это пятерка, а не сорок!

Костя огляделся.

Дорога была забита. Впереди Пим орал что-то про поворот и не мог протолкнуться. Слева склон, справа склон, сверху плети, снизу ползуны. Сто шестьдесят человек, из которых половина не бойцы, стояли в четырех шагах ширины. Умирали по одному, по двое, по трое сразу.

Лита закрыла детей.

Костя увидел ее в тот момент, когда уже перестал ждать от нее чего-либо. Она стояла у левого склона, на забинтованной ноге. Перед ней в кучу сбились дети из хмариного двора — все, кого успели довести.

Она не позвала на помощь и не оглянулась искать, кто

прикроет ее саму. Она встала между детьми и дорогой, как встают не по приказу.

Она подняла обе руки.

Воздух перед ней стал как мутное стекло. Он не блеснул и не двигался. Он просто перестал быть воздухом.

(«Полог» применен.) (Участник вне отряда: учтено.)

Три ползуна ударили в него разом и отлетели, как отлетают от бревна.

— Держи! — заорал Костя. — Лита, держи!

— Я держу!

Четвертый прошел сбоку.

Он не пробивал полог. Он его обошел — по склону, справа, туда, куда она не смотрела, потому что смотреть в две стороны она не могла.

Костя увидел это раньше нее.

Он поднял руку. Мир на секунду стал длиннее.

(«Ты не один» активировано.)

Он оказался между ползуном и ближайшим ребенком — в той стойке, в какой надо. Щит был уже поднят.

Челюсть ударила в окованный край.

(Амулет Держателя: удар, направленный в союзника в двух шагах, принят вами.)

Приняло его. Не щитом — им самим.

Челюсть сомкнулась на предплечье выше локотника. Под кожей щелкнуло. Костя заорал сам, не сдержавшись.

Ребенок за ним остался стоять. Целый.

Костя это увидел раньше, чем почувствовал боль. Вот это и оказалось важнее боли.

В деревне, четыре часа назад, он закрыл щитом девятилетнюю — щит сломал ей руку. Тут он не успел поднять щит вообще. Амулет забрал удар в него, и ребенок стоял целый.

(Меч поручителя: цель нанесла урон вашему отряду. Удар наносит вдвое.)

Он добил ползуна двумя ударами левой и остался стоять на этом месте, потому что правая уже не держала.

Значит, вот так, подумал он. Щитом — хуже. Собой — можно.

Он не стал додумывать, к чему это его ведет, потому что додумывать было некогда.

— Бьорн. Свиток.

Здоровяк поднял голову.

— Что?

— Свиток. Достань свиток.

— Костя, он один. Он один, второго не будет, ты сам говорил, что мы его в шахты...

— Бьорн, — сказал Костя. — Достань свиток.

Бьорн полез за пазуху.

Он достал тубус. Тот самый, который лавочник четырнадцать месяцев держал под прилавком, а потом отдал за так, потому что надоело смотреть на него каждое утро.

Он сорвал крышку зубами.

Внутри был не пергамент. Внутри было что-то похожее на

слой золы, спрессованный в лист. Когда Бьорн его развернул, лист начал тлеть по краям сам.

— Что делать?!

— Ты друид, — сказал Костя. — Он твой. Читай.

Бьорн прочел.

Он читал вслух и читал плохо, спотыкаясь: читал он в жизни немного, а слова были не те, которыми говорят. Лист прогорал у него в руках снизу вверх. Последние слова он выкрикнул уже над пеплом.

(Свиток использован. Свиток призывает: Огненный элементаль — уничтожен.)

На дороге стало тихо.

Не от страха. Просто на секунду весь звук ушел вниз, в землю, как уходит вода в песок.

А потом в четырех шагах от Бьорна земля треснула и оттуда вышел огонь.

Он вышел столбом, вертикально, с гулом. В этом столбе было что-то, у чего были руки.

(Огненный элементаль. Уровень 14.) (Служитель огня. Подчиняется призвавшему. Время: десять минут.)

Он был выше человека вдвое. У него не было лица. У него была голова, и в ней горело ярче, чем везде. На десять шагов вокруг от него сразу пошел жар. Листья на склоне затрещали.

Люди в колонне закричали и подались назад. Костя понял: сейчас они начнут топтать друг друга от него, а не от тварей.

— СВОЙ! — заорал он во всю грудь. — ОН СВОЙ! ВСЕМ ПРИЖАТЬСЯ К СКЛОНУ, ЛИЦОМ В ЗЕМЛЮ!

Бьорн стоял с обгорелыми ладонями и смотрел на то, что вызвал.

— Что ему сказать? — сказал он тихо.

— Скажи «вперед».

Бьорн поднял руку и показал вдоль дороги, на север, туда, откуда шли.

— Вперед, — сказал он.

Оно пошло.

Дальше десять минут Костя стоял на склоне и смотрел, как горит дорога.

Двоих детей он забрал назад, когда стало ясно, что элементаль работает сам и меч больше не нужен. Держал их левой. Правая от локтя до кисти уже наливалась темным и на вес не годилась.

Элементаль шел по центру, шагом, не быстрее человека. Он не бил и не рубил. Он просто шел. Все, что оказывалось в десяти шагах от него, начинало гореть само.

Ползуны шли на него плотно, как шли всю ночь: им было велено собирать, а не выбирать. Первые двадцать вошли в жар и встали. Панцирь у ползуна плотный, гладкий, мокрый от их же слизи. Он не горел. Он лопался.

Костя видел, как первый раздулся и разошелся по шву на спине. Из него ударило паром.

(Уничтожено: Ползун, ур. 8 — 6.) (Бьорн: опыт +9%.

Костя: опыт +4%. Дэн: опыт +4%. Нора: опыт +4%.)
(Уничтожено: Ползун, ур. 8 — 14.) (Бьорн: опыт +21%. Костя: опыт +9%. Дэн: опыт +9%. Нора: опыт +9%.)

— Оно идет на меня, — сказал Бьорн. Он смотрел на свои строки и говорил ни к кому. — Костя, оно идет на меня. Оно мне двадцать один процент за раз.

— Ты призвал. Ты и получаешь.

— А вам девять.

— А нам девять, — сказал Костя. — Мы стоим на склоне и держим детей.

Нора работала за ним.

Она уже видела и уже встала. И делала то, чего Костя от нее в эту минуту не ждал: метила тварей для огня, вместо того чтобы стрелять в них.

— Этого! — крикнула она и всадила стрелу в ползуна, который шел мимо элементаля по обочине, в стороне от жара. — Этого, он уходит!

(«Метка охотника» наложена.)

Элементаль повернул.

Он повернул сам, без команды Бьорна. Костя увидел, как безглазая голова качнулась в сторону зарубки. Потом он сделал два шага в обочину. Ползун лопнул.

(Убит: Ползун, ур. 8. Метка охотника. Добывающий удар: Огненный элементаль.) («Экономия»: стрела не израсходована.)

— Он идет на метку! — заорала Нора. — Бьорн, он идет на мою метку!

— Так меть!

— У меня девятнадцать стрел!

— Так экономь!

Плети попробовали сверху.

Первая ударила в элементаря с дерева, обвила и потянула. Она успела дернуть его один раз. Потом по ней от точки хвата пошло вверх — быстро, как по бечевке, пропитанной маслом. В кроне вспыхнуло. Оттуда посыпалось горящее.

(Уничтожено: Плеть, ур. 9 — 3.) (Бьорн: опыт +14%. Костя: опыт +6%. Дэн: опыт +6%. Нора: опыт +6%.)

Деревья над дорогой занялись с двух сторон.

— Он нам лес подожжет! — крикнула Нора.

— Пусть, — сказал Костя. — Лес отрастет.

Явиру он вытащил сам.

Волчица лежала в двадцати шагах впереди, там, где ее подрали. Встать она не могла. Элементарь шел в ее сторону.

Костя отдал детей женщине и побежал.

«Ты не один» он уже потратил. Рывка не было. Двадцать шагов пришлось пройти ногами, по горячему, мимо лопающихся панцирей.

Он взял ее под живот двумя руками и поднял. Правая отозвалась так, что в глазах поплыло. Поднял все равно. Волчица была тяжелая, как мокрый мешок с песком. И она не издала ни звука — ни тогда, ни когда он ее тащил, ни когда ее

бок задел его наплечник.

Бьорн зашипел за спиной.

— Легче! — сказал он. — Костя, легче, я это чувствую!

— Терпи.

Он донес ее до склона и положил.

(«Чужая ноша легче»: броня повышена.) (Готовность: 12%.)

Он прочел строку, лежа рядом с волчицей на горячей земле. И первый раз за всю ночь ответил ей мысленно.

«Да я понял уже. Понял. Пиши, что хочешь».

Явира открыла глаза и посмотрела на него.

Она смотрела недолго, секунду, может, две. Потом отвернулась и стала смотреть, как горит дорога.

Сводка пришла, когда элементаль уже оседал.

(Итог за ночь. Уничтожено на этаже: Ползун, ур. 8 — 358. Плеть, ур. 9 — 31. Костоглоты, ур. 7 — 49.) (Из них вашим отрядом: Ползун — 96. Плеть — 11. Костоглот — 9.) (Опыт за отмеченные убийства начислен ранее.)

Костя прочел вторую строку и первым делом посчитал разницу.

Четыреста тридцать восемь всего. Его отряд взял сто шестнадцать.

Остальные триста двадцать две положили Сивый, болотники с крюками, безымянные шестеро в хвосте, деревенские на частоколе и новенькие, которых привели из мертвого леса вчера утром и у трети которых не было оружия.

Он сидел на горячей земле и думал, что за эту ночь его успели назвать спасителем раз восемь, и что из четырехсот тридцати восьми тварей он лично убил четыре.

А потом встала следующая строка, и он забыл про арифметику.

(Задание выполнено: жители деревни выведены к вратам.) (Учтено: сопровождаемых на выходе — 131 из 163.) (Награда начислена всем участникам обороны.)

(Костя: опыт +60%. Достигнут тринадцатый уровень.) (Дэн: опыт +60%. Достигнут тринадцатый уровень.) (Бьорн: опыт +60%. Достигнут тринадцатый уровень.) (Нора: опыт +60%. Достигнут тринадцатый уровень.) (Рубеж. Тело исцелено. Свободных очков: 1. Сундук уровня доступен.)

Тепло прошло по нему третий раз за сутки.

Оно нашло, что лечить: прокушенное предплечье под наплечником стянуло и отпустило. Костя пошевелил пальцами и понял, что рука опять его.

Он смотрел на строку про награду и складывал в голове то, что складываться не хотело.

Тварей за ночь убили четыреста тридцать восемь. За них ему дали проценты, которых не хватило бы и на половину уровня. А целый уровень ему дали за то, что он довел до врат сто тридцать одного человека из ста шестидесяти трех.

Оно платило не за убитых. Оно платило за доведенных.

Костя сел и посмотрел на своих.

Бьорн стоял на коленях с двумя обгоревшими ладонями и уже целыми. Дэн сидел на склоне между двух женщин, которых всю дорогу прикрывал. Клык он держал на отлете, подальше от них.

— Тринадцатый, — сказал Дэн. — Костя, у нас четыре тринадцатых за одну ночь.

— И восемь сундуков, — сказал Бьорн. — Четыре за двенадцатый и четыре за тринадцатый. Мы их с деревни таскаем.

— Сундуки не трогаем.

— Костя, тут не логово Держателя. Тут дорога.

— Тут дорога в биоме, который перестраивают, — сказал Костя. — Я один раз открыл шесть штук не в том месте. Вы это все на себе носите до сих пор.

Бьорн посмотрел на ошейник на волчице и промолчал.

— А очки вкладывайте сейчас, — сказал Костя. — Как встало, так и вкладывайте, и не спрашивайте меня куда. Вы про себя знаете больше, чем я про вас.

Вложили молча, вчетвером, стоя на горячей дороге среди лопнувших панцирей.

(Костя: Выносливость 7 → 8.) (Дэн: Ловкость 4 → 5.) (Бьорн: Интеллект 3 → 4.) (Нора: Интеллект 4 → 5.)

— В Ловкость все-таки? — сказал Костя.

— Я сегодня у стены стоял два раза, — сказал Дэн. — И оба раза меня спасло то, что я успел отвести руку, а не то, что я сильный.

— А если ты ошибешься с сундуками? — спросил он через секунду.

— Тогда я ошибусь второй раз, — сказал Костя. — Первый уже был.

Нора стояла в стороне, с луком, и в разговор не входила.

— Костяной лук Скорбящей, — сказал ей Костя. — Двенадцатый уровень и шесть Силы. У тебя теперь тринадцатый.

— Я знаю, что там надо.

— У тебя есть и то и другое.

— У меня сто шестьдесят четыре искры, — сказала Нора. — А он двести шестьдесят.

Она сказала это спокойно. А потом села на землю там, где стояла, закрыла лицо руками и сидела так секунд десять.

Никто ее не трогал.

Град она подобрала весь.

Костя видел, как она ходит по дороге между горящих панцирей и выдергивает стрелы, по одной. Целые складывает. Гнутые отбрасывает.

Их было много. Град кладет на землю сотни, и они настоящие, и это единственное в этой Башне, что когда-либо давало ей больше, чем брало. Часть погнулась о панцири. Часть ушла в глину так, что не вытащить. Часть сгорела вместе с лесом.

Она собирала полчаса и собрала восемьдесят одну.

(Стрел в колчане: 81.) («Меткий счет»: порог соблюден. Воля в норме.)

— Первый раз, — сказала она, вернувшись.

— Что первый раз?

— Первый раз у меня полный колчан. Двадцать два дня тут. Вчера было четыре штуки.

Она села рядом и положила колчан между колен.

— Шесть ушло насовсем, — сказала она. — Тех не будет никогда, они в счет не идут. Так что я не радуюсь.

Костя посмотрел на нее.

— Ты радуешься.

— Я не радуюсь.

— У тебя лицо.

— У меня грязное лицо, — сказала Нора и отвернулась.

Лита сидела в стороне, у детей, и не участвовала в разговоре про уровни и лук.

Костя подошел к ней один раз, коротко.

— Ты их не знаешь, — сказал он. Не спросил — сказал, потому что уже понял по лицу у ворот Хмары.

— Не знаю, — сказала Лита. Она смотрела, как мальчишка лет семи держится за подол незнакомой женщины, потому что своей матери у него, кажется, больше не было. — У меня была дочь. Не в этой деревне, давно, в другом месте, до Башни еще.

Она этим и закончила, и Костя не стал спрашивать дальше, потому что было ясно: дальше она не скажет, и не потому, что не доверяет.

Элементаль догорел на девятой минуте.

Он не растворился и не ушел в землю. Он просто стал ниже, потом еще ниже, потом на дороге остался круг спекшейся глины шагов в шесть и запах, от которого чесались глаза.

(Время истекло. Служитель огня отозван.)

Дорога впереди была пустая и черная. По обеим сторонам горел лес, спокойно и без спешки. В этом огне лежало столько лопнувших панцирей, что Костя перестал их различать.

Сзади, за спиной, в трех километрах, поднимались и опускались столбы.

Тум.

— Восемь сундуков, — сказал Дэн, ни к кому не обращаясь.

— Не тут.

— Я и не предлагаю тут! — В голосе у Дэна была почти обида. — Я знаю, что не тут. Я просто считаю, сколько их накопилось.

Пим протолкался к ним сверху, со склона. Он был белый.

— Спаситель, — сказал он. — Врата.

— Что врата?

— Мы дошли. Они за поворотом, четверть часа. — Пим держал висящую руку у груди. Дышал коротко. — Только там...

Он не закончил.

Костя пошел вперед сам.

Он прошел эту четверть часа за десять минут и вышел из-за поворота на площадку перед вратами. На площадке сто-

яли люди — те, кто ушел вперед с первой частью колонны, человек сорок.

Они стояли и не проходили.

Врата были на месте. Две плиты в скале, с той узкой щелью между ними, через которую он входил в этот биом две недели назад.

Щель была затянута.

Она была затянута мясом. Тем самым, красным, в складах, которое медленно поднималось и опускалось. Костя, простоявший вчера полдня в мясной полости, узнал его сразу.

Он поднял руку и прочел.

(Переход закрыт.) (Биом в перестройке. Уровень приводится в соответствие с новой потребностью.) (Выход будет открыт по завершении работ.)

— Костя, — сказала Нора у него за спиной. — Что там написано.

Он опустил руку.

За поворотом, в трех километрах, встала на землю очередная нога.

Тум.

— Написано, что нас не выпустят, пока он не наберет, — сказал Костя.

Он опустил руку и посмотрел на площадку.

Сто тридцать с чем-то человек. Дети из хмариного двора, женщины, новенькие из мертвого леса, у которых до сих пор

не было имен для него. Ни один из них не был в его отряде.
Меч у него на боку всю ночь считал иначе.
(Готовность: 13%.)

Глава 4. Не своей смертью

Первым, что сделал Костя на площадке перед воротами, — он пересчитал людей.

Не потому, что не верил системной строке. Строка сказала сто тридцать один. Строка не врал никогда. Он пересчитал потому, что двенадцать лет так делал: сначала считаешь, потом решаешь.

Вышло сто двадцать девять.

Он пересчитал второй раз, медленнее. Обошел площадку по кругу, трогая людей по плечам, чтобы не сбиться. Сто тридцать один.

Двоих он просто не увидел с первого раза, потому что они лежали.

Мясо в щели врат дышало.

Костя подошел к нему близко, шагов на два, и стоял. Красное шло складками, поднималось и опускалось. Оно было теплое — он чувствовал это лицом с двух шагов, как от печи. Вросших в этой стене не было. Только мясо, гладкое, без лиц.

Он поднял руку.

(Переход закрыт.) (Биом в перестройке. Выход будет открыт по завершении работ.)

— Это я уже читал, — сказал он вслух.

Строка постояла и не изменилась.

— Сколько идут работы?

Ничего.

— Что считается завершением?

И тогда оно ответило. Не сразу, секунд через пять, и не так, как отвечало раньше.

(Потребность уровня: 214.) (Собрано: 96.)

Костя прочел это дважды. Потом сел на камень, потому что ноги решили сами.

Двести четырнадцать.

Он смотрел на цифру и складывал то, что складывалось само. Из деревни вышло сто шестьдесят три человека. До врат дошло сто тридцать один. Разница — тридцать два.

А собрано девяносто шесть.

Значит, деревня была не первой. Значит, шестьдесят четыре человека этот этаж собрал до них, где-то там, за рекой, в поселках, о которых Пим говорил «те, что за рекой стояли». Собрал и утащил к ногам. Никто из тех, кто сейчас стоит на этой площадке, об этом не узнал.

И до двухсот четырнадцати оставалось сто восемнадцать.

А их тут было сто тридцать один.

Он сидел на камне и первый раз за трое суток понял механику до конца. От этого понимания ему стало физически холодно в теплом воздухе.

Врата откроются. Обязательно откроются, никакого обмана: Башня не обманывает, она честно пишет условия. Врата откроются, когда наберется двести четырнадцать.

Из тех, кто стоит перед ними.

— Костя, — сказала Нора.

Он поднял голову. Она стояла над ним, с луком за спиной. По лицу у нее было видно, что стоит она уже не первую минуту.

— Ты сидишь на камне и смотришь в пустое место, — сказала она. — Опять.

— Не в пустое.

— Тогда скажи, что там.

Костя открыл рот.

Он даже придумал, как это сказать. И не сказал.

Потому что если он скажет, через час это будет знать каждый из ста тридцати одного. А еще через час они поймут то же, что понял он. Что они не заперты снаружи. Они заперты изнутри — вместе с тем, из чего этот счетчик набирают.

— Там написано, что работы идут, — сказал он.

Нора смотрела на него секунды три.

— Хорошо, — сказала она.

Ушла, и по тому, как она уходила, было ясно: она не поверила ни одному слову и решила не давить.

Лагерь встал сам, без приказа.

Костя потом думал, что это и есть главная разница между людьми, которые тут месяц, и теми, кого привели вчера. Никто ничего не объявлял. Через двадцать минут на площадке горели четыре костра, стояли в кружок мешки, женщины отгородили детей плащами от ветра. Трое деревенских ушли в

горелый лес и вернулись с водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.